
Русское неокантианство в истории европейской философии и культуры*

© 2020 г. В.Н. Белов

*Российский университет дружбы народов,
Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.*

E-mail: belovvn@rambler.ru

Поступила 16.01.2020

В статье анализируется значение русского неокантианства для судеб европейской и российской философии и культуры. Обосновывается мысль о том, что именно русское неокантианство как самое влиятельное направление русского неозападничества поставило перед собой задачу возведения интеллектуального и культурного моста между российской и европейской общественно-философской мыслью и успешно ее выполняло. Особенность данного исследования состоит в том, что автор демонстрирует достаточно серьезное влияние представителей русского неокантианства на западноевропейских философов и западноевропейскую философию. История сохранила немало фактов о дружеских связях и творческом сотрудничестве русских неокантианцев с западными философами. Оказавшись волей судеб на «перекрестке» идейного противостояния философских школ и направлений, русские неокантианцы смогли, сохранив критический «дух» неокантианского учения, самостоятельно развивать его как с теоретических позиций, обогащая неокантианство позитивными достижениями феноменологии, гегельянства, религиозной философии, так и с позиций практических, привлекая неокантианскую методологию для анализа педагогических и политико-правовых концепций. Также отмечаются плодотворные усилия русских неокантианцев в деле культурного и философского взаимодействия России и Европы – переводы на различные европейские языки произведений русских писателей и философов и европейских – на русский, реализацию многочисленных совместных культурных проектов и т. п.

Ключевые слова: история европейской философии, традиция, русское неокантианство, марбургская школа, баденская школа.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–4–41–50

Цитирование: *Белов В.Н.* Русское неокантианство в истории европейской философии и культуры // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 41–50.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ по Программе повышения конкурентоспособности РУДН «5–100» среди ведущих мировых научно-образовательных центров на 2016–2020 гг.

Russian Neo-Kantianism in the history of European philosophy and culture*

© 2020 Vladimir N. Belov

*Peoples' Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation.*

E-mail: belovvn@rambler.ru

Received 16.01.2020

The article analyzes the role of Russian neo-Kantianism for the fate of European and Russian philosophy and culture. The author substantiates the idea that it was Russian neo-Kantianism, as the most influential direction of Russian neo-Westernism, that set itself the task of building an intellectual and cultural bridge between Russian and European socio-philosophical thought and successfully fulfilled it. The peculiarity of this study is that the emphasis in the analysis of various relationships between Russian and foreign thinkers is on demonstrating a sufficiently serious influence of representatives of Russian neo-Kantianism on Western European philosophers and Western philosophy. History has preserved many facts of friendly relations of Russian neo-Kantians with Western philosophers, who had their basis for fruitful creative cooperation. Being the will of fate at the “crossroads” of ideological confrontation of philosophical schools and directions, Russian neo-Kantians were able to preserve the critical “spirit” of neo-Kantian doctrine, independently develop it both from theoretical positions, enriching neo-Kantianism with positive achievements of phenomenology, Hegelian, religious philosophy, and from practical positions, attracting neo-Kantian methodology for the analysis of pedagogical and political-legal concepts. Also noted are the fruitful efforts of Russian neo-Kantians in the cultural and philosophical interaction between Russia and Europe – translations into various European languages of the works of Russian writers and philosophers and European – into Russian, the implementation of numerous joint cultural projects, etc.

Keywords: History of European philosophy, tradition, Russian Neo-Kantianism, Marburg school, Baden school.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–4–41–50

Citation: Belov, Vladimir N. (2020) ‘Russian Neo-Kantianism in the history of European philosophy and culture’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2020), pp. 41–50.

История русского неокантианства находится сегодня в центре внимания, причем не только отечественных исследователей, но и наших западных коллег. В частности, сошлюсь на конференцию в Берлинском университете 23–25 мая 2019 г., подготовленную нашими молодыми немецкими и польскими коллегами, основной идеей которой было представить неокантианство в качестве интеллектуального моста между культурами Центральной и Восточной Европы. Поэтому вполне закономерно, что главное внимание в докладах и дискуссиях было уделено русским неокантианцам и поэтам, испытавшим серьезное влияние этого философского направления, – С. Гессену, В. Сеземану, Л. Саккетти, Б. Пастернаку, А. Белому. А потому хотелось бы обратить внимание на факт достаточно глубокого и устойчивого влияния русского неокантианства

---

* This work was financially supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation under the 5–100 RUDN University Competitiveness Enhancement Program among the world’s leading research and educational centers for 2016–2020.

на западную философскую и общественную мысль. Казалось бы, исторические и жизненные обстоятельства были против этого: получение философского образования в университетах Германии, посещение лекций и семинаров немецких профессоров с мировым именем – Г. Когена, П. Наторпа, В. Виндельбанда и Г. Риккерта, затем достаточно короткий период философского развития после обучения и, наконец, вынужденная эмиграция и поиск работы для заработка – такие биографические сюжеты почти у всех русских философов-неокантианцев не могли, конечно, способствовать вызреванию серьезной философской системы, складыванию глубокого и самостоятельного философского направления. Однако даже в таких обстоятельствах русские последователи немецких школ неокантианства находили силы и возможности для серьезного философского творчества, привлекавшего к себе внимание западных специалистов. Более того, следует говорить и о влиянии этого творчества на западную философскую и общественную мысль. Обнаруживается все больше фактов очевидного влияния русских неокантианцев на западную философию и культуру в целом, их плодотворного сотрудничества с западными учителями и коллегами.

Можно выделить несколько уровней и аспектов взаимодействия русских неокантианцев с западноевропейскими мыслителями.

Взаимодействие с немецкими учителями

Это взаимодействие не проходило по схеме монолога: активные учителя – пассивные ученики. Так, Д. Философов – один из непосредственных участников легендарного совещания у Риккерта, посвященного международному журналу «Логос» – писал в 1909 г.: «...как это ни странно, русские ученики не только берут у немецких учителей: они кое-что и им дают. Недаром немецкие профессора, например Риккерт, так хорошо относятся к русским. Дело в том, что у немцев есть склонность сделать из философии очень трудную, совершенно недоступную для простых смертных, специальную науку, которая живет в мире отвлеченностей, почти не соприкасаясь с реальной жизнью. <...> Русские же живут будущим, живут верой в коренное изменение настоящего. Они ничего не признают самодовлеющим. <...> ...русские ученики немецких профессоров спрашивают не что думать, а что делать, не что – истина, а что – правда. Они хотят знать не что есть, а что должно быть. Для них самый существенный вопрос – вопрос о ценностях. Здесь сказывается их молодое варварство, столь противоположное утомленному, эклектическому Западу. В общении с немецкими учителями они проявляют эту сторону своей психики, в пыльные кабинеты ученых вносят запросы молодой жизни» [Кронер и др. 2010, 79–80]. Даже если принять во внимание сознательную авторскую заостренность противопоставления отвлеченности философии немецких учителей и жизненной прагматики вопрошания их русских учеников, то все же можно быть уверенным в том, что такого рода интеллектуально-психологический обмен имел место быть, он зафиксирован в рассказах нескольких русских слушателей философских курсов немецких неокантианцев.

Ф. Степун в знаменитых воспоминаниях описывает одно из семинарских занятий у В. Виндельбанда, где сошлись в споре «типичный немецкий профессор своей эпохи» и его русский ученик, приехавший в Европу «разгадывать загадки мира и жизни». Разъяснения маститого немецкого философа по поводу свободы воли в неокантианском духе отвлеченного теоретизирования не удовлетворили молодого русского ученика, и он с чрезмерной запальчивостью, как он сам пишет, неприкрытой в немецких университетах, попытался радикальным вопрошанием добиться от преподавателя конкретного и однозначного ответа на предмет теоретических, этических и религиозных оснований свободы воли. И хотя такого ответа он так и не получил, тот задор, с каким Степун задавал вопросы, «заинтересовал и обрадовал Виндельбанда» [Степун 1994, 80–81]. Творчество Степуна было интересно и другому лидеру баденской школы. В программной книге «Философия жизни» Г. Риккерт пишет: «Здесь делались попытки, определенно примыкающие к романтическому ходу мыслей. Характерен в этом

отношении “опыт философии жизни” русского автора Федора Степуна, стоящего на точке зрения Фридриха Шлегеля. “Ценности жизни”, как “ценности состояний”, противоплагаются всем “ценностям осуществления” и тем самым всем ценностям культуры. Сама жизнь почитается больше всего, и особенно религия только и может обнаруживаться в чистом переживании» [Риккерт 1998, 297].

В воспоминаниях русского мыслителя мы находим много различных портретов немецких преподавателей, и все же одну специфическую черту, свойственную всем немцам, по крайней мере, образованным, он выделяет: рассудочность везде и во всем, закрытость внутреннего мира для других. Она, по его мнению, как раз несвойственна русским людям, и поэтому – можем продолжить его мысль – взаимодействие немцев и русских могло бы быть взаимно интересным и взаимно полезным.

Известно также, с какой отеческой заботой относился Герман Коген к русским ученикам, особенно евреям. В «Охранной грамоте» Б. Пастернак вспоминает о до-вольно откровенном разговоре с Когеном во время неожиданной встречи с мэтром и прогулки с ним по городской марбургской аллее, когда великий немецкий философ постарался обрисовать русскому ученику благоприятные перспективы его философской карьеры с возможностью найти работу на Западе [Пастернак 1989, 45–46]. Сам Пастернак был в это время чрезвычайно вдохновлен и увлечен философией. Вот что он писал из Марбурга родным: «Я знаю, что выдвинулся бы в философии <...> Я докопался в идеализме до основания. У меня начаты работы о законах мышления... Это одна из тех притягательных логических тем, которые иногда могут сойти за безобидный наркотик...» [Пастернак 2004, 160–161].

Еще более замечательный случай передает один из его библиографов [Вильмонт 1989, 148]. В нем речь идет о серьезности, фундаментальности мышления и философской прозорливости молодого Б. Пастернака. Он стремился углубиться в проблемы, решение которых стояло, что называется, на повестке дня марбургской школы: проблемы времени (специфика природного и исторического времени), единства человека, единства человеческой культуры. Известно, в частности, определенное недовольство Когена своей философской системой, состоящей из логики познания, этики и эстетики, в отношении проблемы индивидуального человека, и предпринятая им попытка изменения ситуации через разработку религиозной и психологической темы.

Однако – к сожалению, для философии и, к счастью, для поэзии – Пастернак как раз незадолго до этой встречи с Когеном на марбургской аллее и разговора с ним о возможных философских перспективах окончательно решил для себя закончить с серьезными философскими штудиями. В противном случае, если бы русский мыслитель последовал совету марбургского учителя, можно не сомневаться, что Коген сделал бы все от него зависящее в трудоустройстве Пастернака на Западе. Как он это сделал для другого еврейского ученика из России М.И. Кагана, сначала вызволив его из тюрьмы, куда тот был заключен как подданный страны, с которой Германия вступила в войну, а затем и предложив ему работу в Киле, связанную с изучением экономики России [Каган 2004^а, 26–27].

В целом, «Коген и еврейство» – это отдельная большая тема, одной из заметных составляющих которой должна быть тема «Коген и русское еврейство», где как раз взаимоотношения основателя марбургского неокантианства и его учеников-евреев из России могли бы получить всестороннее освящение. Здесь же уместно будет только, сославшись на одного из известных исследователей творчества Г. Когена Х. Видебаха, отметить роль этих взаимоотношений в решении марбургского философа посетить Россию в апреле – мае 1914 г. Философ был озабочен тем, что многие его еврейские ученики из России, покинув мир веры у себя на родине и оказавшись в Европе, в духовном становлении быстро двигались в сторону радикального нигилизма [Wiedebach 1989, 23].

Внимательно следил за успехами русских студентов марбургской школы и другой ее основной представитель Пауль Наторп. В частности, именно ему принадлежит идея включения в юбилейный сборник, посвященный 70-летию Г. Когена, статьи четырех

его русских учеников – О. Бука, Д. Гавронского, Б. Вышеславцева и В. Сеземана. О том, что немецкого философа интересовали не только философские успехи русских учеников, но и их околонукавая жизнь, свидетельствует его письмо об одном из малоизвестных русских мыслителей, ставшим близким другом другого марбургского мэтра Эрнста Кассирера Дмитриии Гавронском. Дело в том, что Гавронский помимо занятий философией в Марбурге активно участвовал в эсеровском движении в России. Наторп писал о нем как об одаренном, но совершенно ненадежном – в смысле философской приверженности – человеке, на которого тот, тем не менее, возлагает большие надежды [Holzhey 1986, 340].

Пауль Наторп живо интересовался не только жизнью и успехами в учебе русских студентов в Марбурге, но и русской культурой, о чем свидетельствует его работа о Достоевском. Именно в творчестве великого русского писателя немецкий философ обнаружил мысли, созвучные его тревоге за будущее западной культуры. Наторп с первых страниц работы о Достоевском предупреждает о том, что он русского языка не знает, поэтому знакомился с произведениями русского писателя по переводам, но знакомился, принимая во внимание количество этих произведений и характер их анализа в этой работе, основательно. Немецкий философ поясняет интерес к Достоевскому, не только как к писателю или, лучше сказать, не столько как к писателю или психологу, но как к мыслителю, тем, что тот как никто другой выразил со всей глубиной идею человека. Человека индивидуального, живого, но не замкнутого, а, напротив, чутко переживающего комплекс отношений к Богу, другому человеку, вмещающему в себя одновременно конечность и бесконечность, время и вечность, жизнь и смерть. Переживающим эти моменты ежесекундно, как взаимосвязанные между собой, стремящимся к их гармонизации и в этом проявляющим истинное свойство настоящей, обычной жизни.

Другой, еще более важной идеей произведений великого русского писателя, которая вмещает в себя и идею человека, и которая находит там выражение с такой силой, какую немецкий философ прозревает только лишь у позднего Гёте, по мнению Наторпа, является идея жизни. Жизни, вмещающей в себя полноту каждого отдельного момента ежесекундного бытия жизни, где нет «до» и «после», а имеет смысл блаженство и полнота «сейчас». Только через такое проживание всей полноты и глубины момента жизнь в конечном открывает бесконечное, во временном – вечное. Да и сам кризис культуры Наторп, по верному замечанию Кагана, видит не в кризисе идеи бесконечности, а в кризисе идеи конечности: «Кризис современной культуры не есть кризис идеи бесконечности, фаустовской идеи Шпенглера, а кризис из-за отсутствия достаточного действия и сознания идеи бесконечности. Нынешний кризис есть кризис конечности, а не бесконечности» [Каган 2004⁶, 97].

Но для целей нашего исследования важен даже не столько оригинальный анализ Наторпом творчества Достоевского, сколько открывшиеся через него и других русских писателей (в частности, названы еще Л. Толстой и М. Горький) специфические черты русского мышления, русской души, русского характера, которые немецкий философ, несомненно, не мог не замечать и у русских учеников.

В качестве «существенного национального различия между русскими и другими народами» Наторп отмечает разнонаправленность логики мышления европейца и русского в отношении связи национальное – общеевропейское. Если европейский человек «полагает, что он просто как француз, как англичанин, как немец одновременно слушит и человечеству, то один русский знает, что он в высшей степени будет русским именно тогда, когда он в высшей степени является европейцем» [Natorp 1923, 13]. Такая парадоксальная для европейского человека логика опирается, по мысли Наторпа, на убеждение русских в том, что европейцы живут каждый для себя, но «Россия одна живет для идеи, она уже тысячу лет живет только для нее» [Ibid., 14]. Другой важной национальной особенностью русской души немецкий философ вслед за русскими писателями считает ее широту, что значит, что русский человек «в своей душе имеет место как для всего самого низкого, так и для всего самого высокого; в горячем

чувстве жизни вздымается она вверх и вниз между крутыми подъемами и стремительными падениями, между пропастью отчаяния и судорогой бурного воодушевления» [Natorp 1923, 29–30].

Взаимодействие русских неокантианцев с учениками своих немецких учителей

Самым известным примером плодотворности такого взаимодействия является, конечно, подготовка и издание международного журнала «Логос» с участием Рихарда Кронера и Георга Мелиса, а также при духовном руководстве Генриха Риккерта. Менее известен факт публикации в 1909 г. кружком содружества русских и немецких студентов сборника эссе по философии культуры «О мессии», который предшествовал изданию «Логоса». Участниками этого сборника стали будущие редакторы и активные участники русского и немецкого «Логоса» Н.Н. Бубнов, С.И. Гессен, Р. Кронер, Г. Мелис и Ф.А. Степун.

Название этого сборника символически выразило программный замысел молодых русских и немецких ученых по объединению философских усилий Европы в деле преодоления кризиса культуры на рационально-гуманистической основе. «...под идеей мессии, – указывают авторы сборника, – мы понимаем любой род профетической надежды, ожидающей изменений человеческих дел и обстоятельств в духе общего прогресса культуры» [Кронер и др. 2010, 8]. Символично также и то, что этот сборник вышел в один год с другим, гораздо более известным исследователям сборником «Вехи», сборником статей о русской интеллигенции, уже тогда обозначив многие проблемы и способы их решения, которые окажутся впоследствии в центре острой полемики между журналами «Логос» и «Путь», между русским западничеством и неославянофильством.

Дружба молодых еще людей продолжилась и после их обучения в немецких университетах. Известно, что Рихард Кронер (как и Пауль Тиллих, и Эдмунд Гуссерль) рекомендовал Федора Степуна на кафедру социологии в Дрезденской высшей технической школе в 1926 г. Степун, в свою очередь, старался поддержать Кронера в тяжелые годы гонений на него в университетах Киля и Франкфурта в период фашистской диктатуры. В частности, однажды специально предпринял поездку в Халле для того, чтобы «придать ему сил» и инициировать его на разработку такой актуальной, особенно в то время, проблемы национализма [Степун, 2013, 204–205].

Следует упомянуть многолетнюю дружбу двух выходцев из России, учеников Когена и Наторпа Николая Гартмана и Василия Сеземана, первый из которых сравнительно рано пришел к необходимости создания собственной философской концепции, во многом противостоящей неокантианству, второй развивает оригинальную концепцию чистого знания, стремясь синтезировать в ней сильные стороны марбургского неокантианства и феноменологии. Показательна рецензия Гартмана в 1933 г. в Кант-штудиен (Kant-Studien, 1933) на одну из публикаций друга и коллеги «Логические законы и бытие» (Die logische Gesetze und das Sein, 1932). В ней рецензент указывает на то, что эта статья является прямым продолжением двух других, появившихся ранее, а именно «О предметном и не предметном знании» (Über gegenständliches und ungegenständliches Wissen, 1927) и «Рациональное и иррациональное» (Rationales und Irrationales, 1927) и замечает: «Следует чрезвычайно сожалеть о том, что три части не появились в качестве единой работы» [Hartmann 1958, 368].

Гартман характеризует исследование Сеземана как онтологическое, а не логическое, что, собственно, отвечает смыслу «онтологического поворота» современной автору философии. Но рецензент сразу указывает на выгодное отличие рецензируемой работы, в которой нет пространных рассуждений о предыстории вопроса и введения, автор работы сразу переходит к существу вопроса и говорит о содержании онтологических проблем. Гартман находит, что исследование Сеземана распадается на две части согласно дифференциации логических структур и структур бытийных со стороны

субъекта и со стороны объекта: «В первой части обсуждается отношение логических законов к “относящемуся к субъекту и психическому бытию”, во второй – к бытийно-автономному бытию» [Hartmann 1958, 369]. В обеих этих частях, по мнению рецензента, проведен мастерский анализ как последовательных ступеней подобного исследования, так и основных категорий познания и бытия. Заслужено автором исследования Гартман считает открытость постановки и обсуждения основных проблем, окончательное разрешение которых просто невозможно. «Я хотел бы оценить это исследование, – заключает он, – как образцовый пример чистого исследования проблем в противоположность всякого рода спекулятивным, конструктивным или связанным с мировоззрением процедурам» [Ibid., 373].

Дружба русских неокантIANцев с западными коллегами

История сохранила немало фактов дружеских связей русских неокантIANцев с западными философами, которые имели основанием плодотворное творческое сотрудничество. Так, в дрезденский период работы Федора Степуна и Пауля Тиллиха между ними возникают дружеские отношения, которые не мешали русскому мыслителю полемизировать с немецким коллегой по поводу некоторых его теологических и философских идей [Кантор 2012, 114–120]¹. По утверждению одного современного немецкого исследователя, Степун резко критиковал теологию Тиллиха, особенно за то, что в теологической концепции последнего Христос превращается в простой символ для наименования исторической эпохи [Hufen 2001, 282].

За время долгого пребывания в различных европейских странах – во Франции, Италии и Чехословакии – Б. Яковенко приобрел немало знакомых и друзей среди коллег из Европы. Но самой удивительной по «цельности и долговременности деловых и человеческих связей людей разных национальностей и культур» [Магид 2006, 227] оказалась дружба с чешским философом Фердинандом Пеликаном. Их плодотворные отношения продолжались более чем двадцать лет, Пеликан переводил на чешский и печатал в философском журнале «Ruch filosofický» работы русского коллеги, последний, в свою очередь, публиковал статьи друга в редактируемых им журналах – «Der russische Gedanke» и «Internationale Bibliothek für Philosophie». Примечательно, что последний фундаментальный труд Яковенко о Белинском, который также перевел на чешский Пеликан, не был разрешен для публикации в советской Чехословакии (1948 г.) и до сих пор не издан ни в России, ни в Чехии.

Несмотря на различие в философских подходах, С. Гессен чрезвычайно дорожил дружбой с польским ученым, профессором философии Варшавского университета, а позже ректором Лодзинского университета Т. Котарбиньским, которая началась с 1926 г. во время первого пребывания русского философа в Варшаве и продолжалась вплоть до его смерти в 1950 г. «Думаю, – размышляет Гессен о причинах этой дружбы, – что обоих нас сблизило органическое отрицание нами всяческого любоначала, любовь к свободе и такое же, почти что биологическое, стремление к правде, – в обоих ее аспектах, – истины и справедливости» [Гессен 1998, 751].

Рецепция идей русских неокантIANцев западными учеными

В данном аспекте взаимодействия русских неокантIANцев и западного мира следует выделить несколько направлений. Вследствие известных фактов в той или иной степени причастности некоторых известных русских поэтов к неокантIANству исследование неокантIANских сюжетов в произведениях, в теоретических работах Б. Пастернака, А. Белого, В. Иванова в среде западных славистов имеет уже достаточно долгую устойчивую традицию. Продолжается работа западных исследователей с архивными материалами русских неокантIANцев, которая открывает новые грани их таланта, уточняются биографические данные, открывается множество фактов активного взаимодействия русских философов с культурной средой стран их эмиграции, вводятся

в широкий оборот ранее публиковавшиеся, но малым тиражом и давно ставшие раритетом, произведения русских авторов. В частности, профессор Чикагского университета Роберт Берд в «Новом литературном обозрении» в 63-м номере за 2003 г. опубликовал ряд писем и стихотворений Ф. Степуна из его Йельского архива, уточняющих философскую самооценку русского мыслителя и дающие представление о нем как о незаурядном поэте.

Александр Шитов в Праге ведет работу по обработке материалов архива Б. Яковенко. Привлекая архивные и периодические издания в Италии и Чехии, молодому итальянскому исследователю Ренна удалось восстановить некоторые интересные биографические факты из жизни и творчества русского философа, уточнить многочисленные связи с западными философами, писателями, политиками [Renna 2004, 97–105].

Необходимо отдать должное литовским коллегам, которые по достоинству оценили вклад русского философа В.Э. Сеземана в дело формирования основ литовской культуры, выпустив на литовском языке двухтомное собрание его сочинений, в Литве существует целая когорта исследователей его творческого наследия. Несколько десятилетий стабильно серьезный интерес к творчеству замечательного русского мыслителя прошлого века М.М. Бахтина привел некоторых его западных исследователей к мысли о необходимости выявления истоков основных идей русского культурфилософа. Марбургская школа неокантианства, по словам самого русского мыслителя, имела на него неоспоримое влияние, и основным проводником этого влияния, по убеждению Брайана Пула, стал Матвей Каган. Исследователь полагает, что концепция исторического развития, которую Бахтин представляет в культурологических работах, опирается на идеи философии истории Кагана, которые, в свою очередь, опираются на монистическое учение Когена. Мессианиззм, который противопоставлен в этике и философии религии у Когена эсхатологии, становится через Кагана основным лейтмотивом рассмотрения истории и у Бахтина. Поэтому западный исследователь предлагает вернуться «Назад к Кагану», чтобы правильно оценить степень заимствований и самостоятельности в разработке Бахтиным основополагающих концептов, принесших ему поистине мировую известность.

Без сомнения, наибольшей популярностью среди западных исследователей пользуются педагогические и политико-правовые идеи С.И. Гессена, которые тот развивал с опорой на концепты баденских и марбургских учителей. Множество ученых в Италии, Польше, Германии, Чехии с середины прошлого века обращались к работам русского философа и педагога. О том, что педагогическая концепция русского мыслителя вызывала и продолжает вызывать неподдельный интерес, свидетельствует тот факт, что его книга «Основы педагогики» была переведена на несколько европейских языков и только в Польше выходила в четырех различных редакциях. А в вышедшей на смерть Гессена статье в журнале «Славянское и восточноевропейское обозрение» он назван «ведущим экспертом в области образования в славянских странах и благодаря его многочисленным публикациям на десяти языках» ученым с мировым именем [Nicolas 1950, 296].

Но самым, пожалуй, известным исследователем творчества Сергея Гессена является его ученик Анджей Валицкий. Отдавая дань учителю, он посвятил его светлой памяти фундаментальное исследование «Философия права русского либерализма», которое на русском языке выдержало уже два издания. В нем польский ученый стремится представить философско-правовую концепцию русского мыслителя как концепцию, синтезирующую основные принципы либерализма и социализма на основе правового регулирования и контроля [Валицкий 2012, 487–558]. Следует только добавить, что идеи «правового социализма» Гессена являются прямым продолжением и развитием идей «этического социализма» марбургского неокантианства.

Таким образом, даже самый общий и поверхностный обзор взаимодействий русских неокантианцев с миром Запада, осуществлявшихся на различных уровнях и основаниях, позволяет говорить о том, что русские неокантианцы, поставившие себе еще в молодые годы обучения в германских университетах амбициозную задачу начать истинную философскую традицию в России, опирающуюся, в свою очередь, на многовековую европейскую философскую традицию, до конца жизни считали своим долгом ее выполнение. Оказавшись волей судеб на «перекрестке» идейного противостояния философских школ и направлений, русские неокантианцы смогли, сохранив критический «дух» неокантианского учения, самостоятельно развивать его как с теоретических позиций, обогащая неокантианство позитивными достижениями феноменологии, гегельянства, религиозной философии, так и с позиций практических, привлекая неокантианскую методологию для анализа педагогических и политико-правовых концепций. Наконец, следует отметить огромные усилия русских неокантианцев в деле культурного и философского взаимодействия России и Европы – переводы на различные европейские языки произведений русских писателей и философов и европейских – на русский, реализацию многочисленных совместных культурных проектов и т. п.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что исследования по истории русского неокантианства, так же как, собственно, и немецкого, как в России, так и на Западе еще в самом начале, и богатство материала, которым располагают «запасники» русской неокантианской мысли и которое, следовательно, еще не введено в научный оборот, является обнадеживающим основанием предполагать новые открытия и интересные находки на этом пути. Здесь следует выделить две книги, вышедшие в серии «Философия в России в первой половине XX века» (под общей редакцией Б.И. Пружинина): «Борис Валентинович Яковенко» под редакцией А.А. Ермичева и «Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лапшин» под редакцией В.Н. Брюшинкина, В.С. Поповой, а также планы по продолжению этой серии и новых книг о русских неокантианцах.

Примечания

¹ Автор исследования сетует также на то, что плодотворная полемика этих выдающихся мыслителей не стала пока еще предметом внимания отечественных ученых.

Источнику – Primary Sources in English, German and Russian Translations

Валицкий 2012 – Валицкий А. Философия права русского либерализма. М.: Мысль, 2012 [Walicki, Andrzej *Legal Philosophies of Russian Liberalism* (Russian translation)].

Вильмонт 1989 – Вильмонт Н.Н. О Борисе Пастернаке. Воспоминания и мысли. М.: Советский писатель, 1989 [Vilmont, Nikolai N. *About Boris Pasternak. Memories and thoughts* (in Russian)].

Гессен 1998 – Гессен С.И. Мое жизнеописание // Гессен С.И. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1998. С. 723–783 [Hessen, Sergei I. *My biography* (in Russian)].

Каган 2004^а – Каган М.И. Автобиографические заметки // Каган М.И. О ходе истории / Ред.-сост. В.Л. Махлин. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 24–27 [Kagan, Matvey I. *Autobiographical notes* (In Russian)].

Каган 2004^б – Каган М.И. Пауль Наторп и кризис культуры // Каган М.И. О ходе истории / Ред.-сост. В.Л. Махлин. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 93–97 [Kagan, Matvey I. *Paul Natortp and cultural crisis* (in Russian)].

Кронер и др. 2010 – Кронер Р., Бубнов Н.Н., Мелис Г., Гессен С.И., Степун Ф.А. О мессии. Эссе по философии культуры / Сост., послесл., примеч. А.А. Ермичева; пер. с нем. А.А. Ермичева, Н.Ю. Заварзиной, В.П. Курапиной, И.Л. Фокина. СПб.: РХГА, 2010 [Richard, Kroner, Bubnov, Nikolay N., Georg, Mehliis, Hessen, Sergey I., Stepun, Fyodor A. *About the Messiah. Essays on the philosophy of culture* (in Russian)].

Пастернак 1989 – Пастернак Б.Л. Охранная грамота // Пастернак Б.Л. Охранная грамота. Шопен. М.: Современник, 1989. С. 3–90 [Pasternak, Boris L. *Safe Conduct. Chopin* (in Russian)].

Пастернак 2004 – *Пастернак Б.Л. Письма к родителям и сестрам 1907–1960*. М.: Новое литературное обозрение, 2004 [Pasternak, Boris L. *Letters to Parents and Sisters. 1907–1960* (in Russian)].

Риккерт 1998 – *Риккерт Г. Философия жизни*. Киев: Ника-Центр: Вист-Са, 1998 [Rickert, Heinrich *Die Philosophie des Lebens* (Russian Translation)].

Степун 1994 – *Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся / Послел. Ю.И. Архипова*. СПб.: Алетейя: Прогресс, 1994 [Stepun, Fyodor A. *What has been and might-have-been* (in Russian)].

Степун 2013 – *Степун Ф.А. Письма / Федор Степун*. сост., археогр. работа, коммент., вступительные статьи к тому и разделам В.К. Кантора. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013 [Stepun, Fyodor A. *Letters* (In Russian)].

Hartmann, Nikolai (1958) Zu Wilhelm Sesemann. 1933, *Kleinere Schriften, Band III, Vom Neukantianismus zur Ontologie*, Berlin, 1958.

Holzhey, Helmut (1986) *Cohen und Natorp, 2, Der Marburger Neukantianismus in Quellen*, Basel; Stuttgart, 1986.

Natorp, Paul (1923) *Fjedor Dostojewskis Bedeutung für die gegenwärtige Kulturkrise*, Jena, Eugen Diederichs Verlag, 1923.

Nicolas, Hans (1950) 'Sergius Hessen', *The Slavonic and East European Review*, 29, 72, pp. 296–298.

Wiedebach, Hartwig (1989) Hermann Cohen, gesehen aus zwei verschiedenen Blickwinkeln, *Bulletin des Leo Baeck Instituts*, 84, pp. 23–33.

Ссылки – References in Russian

Кантор 2012 – *Кантор В.К. Переживая немецкую катастрофу: Степун и Тиллих (с приложением их переписки) // Вопросы философии. № 11. 2012. С. 114–120.*

Магид 2006 – *Магид С. Борис Яковенко и Фердинанд Пеликан // Вестник РХГА. Т. 7. Вып. 2. 2006. С. 223–227.*

References

Donskis, Leonidas (2007) Editor's Introduction: Mapping Inter-War Lithuanian Philosophy, *Aesthetics*, Rodopi, Amsterdam – New York, NY.

Hufen, Christian (2001) *Fedor Stepun. Ein politischer Intellektueller aus Rußland in Europa. Die Jahre 1884–1945*, Lukas, Berlin.

Kantor, Wladimir K. (2012) 'Experiencing the German Catastrophe: Stepun and Tillich. Correspondence of F. Stepun and P. Tillich', *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2012), pp. 114–120 (in Russian).

Magid, Sergey (2006) 'Boris Yakovenko and Ferdinand Pelican', *Herald of the Russian Christian Academy for Humanities*, 2, pp. 223–227 (in Russian).

Renna, Catia (2004) Boris Jakovenko e la cultura filosofico europea: una ricostruzione biografica, *eSamizdat*, (II) 3, pp. 97–105.

Сведения об авторе

БЕЛОВ Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

Author's information

BELOW Vladimir N. – DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge of the Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia.